

Выхожу на сцену

Сегодня и завтра в Тульском драматическом театре — бенефис народного артиста РСФСР Николая Алексеевича Казакова. Ему исполнилось пятьдесят лет, за его плечами тридцать лет работы на сцене.

— Николай Алексеевич, говорят, вы попали в актеры совершенно случайно!

— Правильно говорят.

— Неужели никаких голосов сверху и голосов изнутри!

— В актеры пошел в знак протеста. Меня лишили стипендии на первом курсе Уфимского сельскохозяйственного института.

— Несправедливо лишили!

— Нет, по делу. Я слишком много времени отдавал волейболу. Входил в спортивную команду, разъезжал по соревнованиям. На всю жизнь запомнил имя преподавательницы, которая никак не хотела принимать у меня экзамен в сессию. Ее звали Маргарита Николаевна.

— Выходит, именно Маргарита Николаевна «крестила» вас в артисты!

— В какой-то степени. Что касается моих родителей, я из простой рабочей семьи, они были категорически против моего желания. Ка-те-го-ри-че-ски... Даже бабушка, и та долго качала головой. Они говорили: «Закончи этот институт, а потом — куда хочешь».

— И все-таки, посмею заметить, такие крутые повороты в жизни способны совершать люди творческие...

— Фантазируйте, фантазируйте...

— А как завязался ваш роман с кино!

— Из Уфы я самонадеянно двинулся прямо во ВГИК. На свое удивление, так «показался» профессорам, что легко прошел все туры, наиболее трудные, осталось лишь сдать историю. И тут, в коридоре института, не знаю уж, на мое счастье или несчастье, меня словили товарищи из «Арменфильма». Предложили роль солдата-пограничника в кинокартине «О чем шумит река». Как выяснилось, они видели в этой роли Леонида Харитонов, но он в это время создавал на экране бессмертный образ Ивана Бровкина.

Когда я вернулся во ВГИК, мне сказали: «Раз вы уже снялись, то вы теперь актер. Зачем же вам учиться?».

— Ваше самочувствие в этот момент!

— Нормальное. Подал заявление в ГИТИС. Конкурс — 175 человек на место. И прохожу безо всяких. Но вскоре меня забирают в армию. После армии решил продолжать учебу заочно, а работать — на сцене. Выбрал Тульский ТЮЗ. Почему Тулу? У меня много родственников в Серпухове, откуда я родом и откуда наша семья эвакуировалась в Уфу. Во-вторых, близость к

Москве позволяла иногда смотреть столичные спектакли. Это большая школа.

Вспоминает заслуженная артистка РСФСР Евгения Ивановна Пчелкина: «Прибегают девочки за кулисы и говорят: «В зале сидит новый актер. Хо-рош до невозможности. Волосы светлые, вьющиеся, глаза голубые. Высокий, стройный. Мы все в зал. Так и упали. Но главное — талант. Так чувствует партнера, выразительный жест, хорошо поставленный голос. Разве можно забыть, как он играл в «Заводских ребятах»! Билеты за три квартала спрашивали. А потом мы уже «в драме» встретились, в нашем драматическом. И здесь он быстро выдвинулся в ведущие».

— Николай Алексеевич, счастливая театральная судьба!..

— Как тут скажешь?..

— За эти годы вы сыграли около 90 ролей на тульской сцене. Из них большинство — главные. В то время, когда иные актеры годами не имеют приличной роли.

— Мне по-человечески жаль некоторых своих коллег. Про себя же скажу: очень часто эксплуатировался не мой талант, а моя внешность. Требовался, так сказать, положительный герой. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что часто приходилось играть образы-схемы. Но даже здесь я стремился сказать то, что думал о тех или иных явлениях в нашей жизни. Получалось или нет, но стремился всегда.

У некоторых же о моей театральной деятельности такое мнение: «Это тот Казаков, который играет всю жизнь «первых любовников». Вроде бы, только и умею делать, что соблазнять женщин на сцене».

— Тем не менее, Николай Алексеевич, когда вы появляетесь на сцене, среди женщин в зале наблюдается оживление. Мужественность есть мужественность, ее действие неотразимо. Ну а в жизни как вы относитесь к «слабому полу»!

— Ценю в женщинах преданность. И юмор. Но не такую преданность, о которой недавно слышал в беседе: «Я была предана семи мужчинам. А где же благодарности?».

— Неожиданностью для многих стало исполнение вами роли Буслая, человека у последней черты, в спектакле «Порог»...

— Я давно ждал такой роли. Ведь благополучие в театре, когда актер занят почти в каждом спектакле, может быть обманчивым, более того,

убийственным. Ты можешь настолько «забронзоветь» на сцене, что полностью утратишь самое дорогое для актера — душевную связь со зрителем, с его радостями, горем, надеждами, обретениями и потерями. А если я не затрагиваю на сцене того, чем живет и чем дышит зритель сегодня, в этот час, считай, мои образы — мертворожденные произведения.

Я не признаю искусства для искусства. Смысловая нагрузка роли для меня очень важна. Что я хочу сказать? К чему призываю?

Легко было свести образ Буслая к примитивной морали: «Не надо, товарищи, пить, видите, к чему это приводит». Другое дело — вызвать у людей сострадание, попытаться понять, «что же с нами происходит?». Буслай со своей искоркальной судьбой не вне нас, а вместе с нами. И принять его судьбу к сердцу, попытаться помочь такому человеку в жизни — значит взойти на более высокую нравственную ступень. Сверхзадача актера — «заставить» зрителей принять.

Добавлю, что мне всегда хотелось сыграть роль человека, у которого далеко не «все в порядке», не все благополучно в жизни. Таких людей очень много рядом с нами.

Но мне хочется сыграть и в хорошей комедии. В тонкой, умной, с хорошо выписанными ролями.

— Мы все с сожалением восприняли вашу неудачу в роли Астрова в «Дяде Ване». С чем это связано!

— Я разделил неудачу со всеми, кто играет в этом спектакле. Досадно, потому что не справились с классикой. Не нашли точек, болевых точек соприкосновения классического произведения с сегодняшним днем. И получилось сразу холодно, неинтересно для зрителя.

Классика звучит на сцене только тогда, когда з ней выявлено вечное — сегодняшнее.

— Николай Алексеевич, как вы относитесь к «производственным конфликтам»? В творческих коллективах они носят особенно острый характер.

— Я сразу заболел, мой творческий тонус падает. Против чего всегда: протестую — можно спорить, можно разругаться, но без этого, но только не надо никогда оскорблять личное достоинство оппонента. Вот это и есть самое страшное. Никогда нельзя говорить ему в такие моменты: «Ты плохой актер». Ни в коем случае.

Насколько можно, стремлюсь любой конфликт разрядить шуткой, подойти к «грозной ситуации» с юмором. Человека, не понимающего юмор, считаю глубоко несчастным человеком.

Господи, только не считайте меня самого-то каким-то ангелом, таким счастливым мотыльком, которого мне однажды пришлось сыграть в нашем ТЮЗе. Я тогда возгордился, как же — премьер, а мне раз — мотылька... Было поучительно.

Заслуженная артистка РСФСР Римма Газизовна Асфандиярова: «Я люблю с ним работать. На репетициях он много шутит, рассказывает массу анекдотов и поначалу, когда мы только первый раз встретились с ним, я думала: «Какая-то ерунда, несерьезно». А потом почувствовала, как это расковывает, внутренне раскрепощает, что чрезвычайно важно для актера. Бросилась в глаза и другая деталь: Николай Алексеевич к нужному моменту всегда выучит свою роль. Всегда. Он точно держит рисунок роли, доверяя замыслу режиссера. И сохраняет этот рисунок в дальнейшем, не идя на поводу, как это бывает у других, своих эмоций, сиюминутных настроений. Такое постоянство позволяет спектаклям с его участием жить долго. Мои героини всегда безоглядно любили его героев, и когда в «Дефиците» мне пришлось играть женщину, стремящуюся загнать его героя, что называется, под ноготь, мне было не по себе. Вот ведь как бывает...».

— Николай Алексеевич, как вам удается выносить такие нагрузки в театре!

— Природа выручает. Лес, удочка, река, уединение. Только там и отдыхаешь, переключаясь по-настоящему. Рыбалка — моя страсть. Вот недавно, на Воронке, у меня не клевало, потому что не мог достать мотыля. Закидывал удочку там и там, излазил все места, промок, наконец плюнул, сижу совершенно злой на пне. Подходит старичок: «Казаков! Артист!.. Ты что такой грустный?». Рассказал. «Да дам я тебе сейчас мотыля».

— Такой популярностью можно гордиться.

— Ха! Еще бы!.. Когда тебе рыбку спасают...

— Творческих успехов вам!

— И моим друзьям-актерам. И нашим режиссерам. Вы не представляете, как мы взаимосвязаны. Ах, театр, театр...

Беседу вел
Ю. АЛЕСЕНКО.